

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА НА ОМСКОМ
МЕЖГУБЕРНСКОМ СОВЕЩАНИИ ПО РАЙОНИРОВАНИЮ СИБИРИ
(АВГУСТ 1923 Г.)

*Зубков Константин Иванович –
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИИиА УрО РАН*

Проблема выработки государственной политики в отношении обширных территорий Тобольского Севера встала перед советской властью практически сразу после окончания гражданской войны. Она была впервые остро обозначена в ходе проводимого с начала 1920-х гг. районирования, в связи с обострившимися встречными притязаниями формирующейся Уральской области и Сибревкома на руководство процессом хозяйственного и культурного развития северных окраин. В связи с возникшими спорными вопросами в Омске по инициативе Западно-Сибирской секции Госплана и Омской губернской плановой комиссии 6 августа 1923 г. было созвано межгубернское совещание, на котором предстояло в окончательном виде определить границы и состав Обской (Западно-Сибирской) области – одной из проектируемых «госплановских» областей. Острота ситуации определялась тем, что в процессе районирования Урала, выбранного Госпланом в качестве экспериментальной «площадки» для районирования областей промышленного типа и потому значительно опережавшего сибирские губернии по темпам организационной работы, было зафиксировано стремление Екатеринбурга присоединить к формирующейся Уральской области ряд уездов Западной Сибири, которые должны были в перспективе составить Тюменский, Курганский, Ишимский и Тобольский округа. При этом уральскому руководству за предшествовавшие совещанию два года удалось добиться активной поддержки своих планов со стороны самих уездных исполкомов, поэтому притязания уральцев на вышеназванные территории Западной Сибири представляли как результат добровольного самоопределения последних. С учетом того, что эти аграрные и промысловые по своему экономическому профилю зауральские округа в совокупности

должны были, по предварительным расчетам Госплана, составить около 40% территории проектируемой Обской области¹, сам вопрос о ее создании ставился тем самым под большое сомнение.

Как нам уже приходилось отмечать, исключительно сложная обстановка начального периода НЭПа придавала вопросу об административной подчиненности зауральских округов особое значение. В разоренной войной стране, вынужденной начинать восстановление с оживления частнохозяйственного сектора, региональные власти могли формировать свои бюджетные ресурсы в основном за счет обложения коммерческих оборотов и крестьянско-промысловой экономики. Широкомасштабная индустриализация и связанные с ней надежды на получение крупных капиталовложений из центра выделялись тогда еще весьма отдаленной и ненадежной перспективой. В этих условиях закономерно происходило общее «приземление» хозяйственного мышления, выразившееся в ориентации региональных партийно-советских бюрократий на текущие задачи сбалансирования бюджетов, в стремлении расширять свою налогооблагаемую базу за счет простейших экстенсивных факторов – прежде всего, путем присоединения новых территорий как потенциальных источников натуральных и людских ресурсов². При этом общий настрой на экспансию чаще всего не предполагал каких-либо ясных и проработанных планов относительно перспективного хозяйственного использования вновь присоединяемых территорий. В известной мере, новые территории приобретались «про

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2352. Л. 53 об.

² См. подробнее: Зубков К.И. Территориальные споры в ходе районирования Урала и Сибири (начало 1920-х гг.): геополитика в региональном интерьере // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 62–65.

запас», а разнообразие их хозяйственных профилей должно было служить гарантией надежности региональных бюджетов при любых – самых неожиданных – поворотах экономического курса страны. (Заметим, что и после 1923 г. советскими экономистами еще окончательно не исключался «односторонне»-сельскохозяйственный вариант развития страны³). Еще меньше расчетов делалось на развитие свободного хозяйственного обмена между губерниями и областями: формируя состав будущих областей, региональные власти серьезно опасались оттока ресурсов за их пределы и в основном делали упор на построение замкнутых экономик, по возможности, не зависящих от соседей. Такой, в частности, была позиция уральских властей, чье стремление строить в рамках будущей области «смешанное» (промышленно-земледельческое) хозяйство на базе торгово-экономического и «культурно-бытового» тяготения аграрных уездов к промышленному Уралу было квалифицировано представителями Госплана и Сибири как разрушающая принцип специализации регионов «всеядность» и как граничащая с сепаратизмом установка на создание «государства в государстве». Несомненно, что эта уральская позиция была на фоне других, менее самостоятельных регионов чем-то исключительным, но это было исключение, которое лишь подчеркивало правило – так сказать, общий дух времени. Ситуация экономической разрухи и инвестиционного «голода» не могла не порождать у новой региональной бюрократии подобных настроений как проявления в экономической политике определенных докапиталистических, почти «феодалных» черт и ее своеобразной «геополитизации». По крайней мере, в этом региональном сегменте обнаруживается известное соответствие ситуации данной В.И. Лениным в ноябре 1922 г. политической оценке советского строя как «феодалной диктатуры», становящейся неизбежной в условиях разоренной, лишившейся промышленности страны⁴.

Вместе с тем, территориальные споры Урала и Сибири не сводились к банальному дележу ресурсов. Они затрагивали принципиальную основу всей политики районирования. Подход Госплана исходил из необходимости строительства будущих областей и краев преимущественно по принципу «однородной» производственной специализации. Не имея еще вполне четких планов по хозяйственному профилю каждой из проектируемых областей, Госплан был, тем не менее, последователен в критике местнических, сугубо территориальных подходов к определению границ будущих областей. Выступая на омском совещании, представитель Западно-Сибирской секции Госплана, известный эконом-географ К.Н. Миротворцев энергично доказывал вредность местничества, подчеркивая, что распыление сил и средств на создание «всеядных» областных экономик отрицательно скажется на темпах и перспективах хозяйственной реконструкции. Настойчивым рефреном его выступлений звучала идея «сверхмагистрализации» Транссиба, которая нормализует обмен и сделает бессмысленными попытки областей сосредоточить в своих проектируемых границах все виды экономических ресурсов⁵. Понятно, что Омская губерния, почти не имевшая промышленности, не могла не разделять такой политики, поскольку судьба ее, как будущего ядра Обской области, находилась в полной зависимости от центра и не имела иной перспективы, чем встать во главе объединения аграрно-сырьевых территорий Западной Сибири, создав здесь при поддержке центра крупное машинно-оснащенное и культурное сельское хозяйство. Уральские представители, выражая откровенный скепсис по поводу помощи центра и планов «сверхмагистрализации» Транссиба, напротив, отстаивали право областей самим определять свой территориальный состав, исходя из стихийно сложившихся связей рыночного тяготения к промышленному ядру Урала аграрных и промысловых уездов. Производственной специализации здесь противопоставлялся принцип «потребительский», основанный на необходимости снабжения промышленных

³ Сарабьянов В. Основные проблемы НЭПа. План, регулирование, стихия. – М.; Л., 1926. С. 154–157.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 263.

⁵ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 23 52. Л. 44.

районов Урала аграрной продукцией. В виду этих взаимоисключающих позиций вопрос об административной принадлежности аграрных уездов Зауралья становился настоящим камнем преткновения в отношениях Урала и Сибири.

Этот вопрос в своеобразном преломлении проецировался и на проблемы развития Тобольского Севера, который должен был войти в состав проектируемого Тобольского округа. В докладе Омского губплана «Об установлении границ Обской области» предлагалось рассматривать Обскую область как производственную единицу «сельскохозяйственного назначения», в которой должны были быть объединены три широтные зоны: южная — земледельческая, средняя — «животноводственная» — и северная — «лесоводственная» и «рыболовственная». Исходя из априорных представлений о колоссальности и большом государственном значении неисследованных богатств Севера, представители Омска видели возможность объединения этих зон в рамках единого «бассейна» производительных сил, во-первых, на базе взаимовыгодного обмена между южной и северной частями (в частности, путем снабжения степных районов лесом, а северных — хлебом), во-вторых, за счет использования для этого сквозной речной магистрали — Иртыша. Проектировались и поставки лесоматериалов на экспорт по трем возможным маршрутам — Северным морским путем, по проектируемой Северной железнодорожной магистрали или на базе «сверхмагистрализации» Транссиба. Не исключалось одновременное использование всех трех маршрутов, для чего Иртыш должен был служить важным связующим звеном. Рыбные промыслы Севера представители Омска рассматривали после лесных богатств как еще один ценнейший ресурс, способный при правильной организации дать большие прибыли. При этом рыбное хозяйство рассматривалось как одна из разновидностей сельскохозяйственной экономики, в связи с чем включение Тобольского Севера в состав будущей аграрной области не подвергалось сомнению⁶.

Как будто бы стройная позиция Омско-

го губплана, между тем, вовсе не разделялась представителями Урала. Председатель комиссии Уралплана по районированию Б.В. Дидковский категорически возражал против отнесения отраслей северного хозяйства (лесной и рыбной) к аграрному сектору, подчеркивая их самостоятельное экономическое значение. При этом упор делался на отсутствие каких-либо текущих экономических связей между Тобольским Севером и южными губерниями Сибири. Этому противопоставлялась реальное и давнее экономическое тяготение северных окраин, в частности, Березова, к северному Уралу, в том числе по линии снабжения Севера хлебом и орудиями лова. Доказывая целесообразность вхождения Севера в состав Уральской области, Дидковский прибег и к аргументам локационной теории: по его мнению, в силу сложившегося размещения производства и транспортных путей страны, центры проектируемых областей должны с необходимостью отклоняться в западном направлении, поэтому в самом факте тяготения к Екатеринбургской обширной территории севера Западной Сибири нельзя видеть нечто аномальное. При этом уральцы стремились искусно отвлечь внимание сибиряков от Тобольского Севера, канализируя их территориальные аппетиты в совершенно другом направлении. На совещании, в частности, было заявлено, что усиление «земледельческого» назначения Обской области может быть достигнуто не столько ее притязаниями на очень своеобразные в хозяйственном отношении промысловые районы Севера, сколько путем включения в нее сельскохозяйственных территорий «Киркряя» (Казахстана), с чем Урал выражал полное согласие⁷.

В возникшую дискуссию оказались вовлечены представители мест и научные силы. Позиция Уралплана получила, в частности, поддержку со стороны Тюменского губисполкома, чей представитель начал с отрицания того, что хозяйство Тюменской губернии может считаться «однородным» с аграрной экономикой Омской губернии, указав, помимо сельского хозяйства, на наличие у Тюмени

⁶ Там же. Л. 52 – 52 об.

⁷ Там же. Л. 55–56.

разнообразной кустарной промышленности и рынка сбыта леса. Тюменское руководство проявило себя на совещании вполне усвоившим уральскую «методологию» районирования, основанную на представлении о том, что именно потребительские связи создают самые сильные стимулы для хозяйственного тяготения и наработки опыта. Тюменцы доказывали, что Обская область, как чисто сельскохозяйственная, не будет заботиться о должном развитии лесного хозяйства Севера, как и о пушном и рыбном промыслах. Аргументом служило, например, то, что Омск, как не потребляющий северную рыбу центр, «не будет так заботиться о рыболовстве», как это способен делать Урал. Заглядывали представители Тюмени и далеко вперед, указывая на то, что имеющиеся на Севере запасы платины, медной руды и других полезных ископаемых под силу освоить только промышленному Уралу⁸.

Явный «потребительский» уклон в аргументации Екатеринбург и Тюмени в свою очередь подвергся жесточайшей критике Госплана и представителей Омска. Профессор Омского сельскохозяйственного института, известный лесовод Н. И. Грибанов, обвиняя уральцев в непонимании самих исходных принципов районирования, доказывал, что потребление северной рыбы Уралом является весьма сомнительным признаком серьезной экономической связи его с Севером. Речь, по мнению Грибанова, должна вестись о масштабной хозяйственной колонизации Севера, а это возможно осуществить только на основе создания крупных ресурсных потоков производственного значения между северными и южными районами. Это могло достигаться, прежде всего, поставками на Север важнейшего необходимого для колонизации ресурса — хлеба, а с Севера — лесоматериала для степных районов Южной Сибири, «где люди живут в землянках и готовят кушанья кизяком». Урал, уже присоединявший к себе Туринск и Тавду, по мнению, профессора-лесовода, не испытывал такой острой потребности в лесах Севера, как юг Сибири. Дополнительным

аргументом в пользу присоединения Севера к Обской области служила ссылка на неразвитость путей сообщения с Севером, в связи с чем замыкаемые на Омск водные сообщения по Иртышу и Оби создавали единственный надежную основу развития устойчивых хозяйственных обменов между северными и южными районами⁹.

Без сомнения, планы Омска, подкрепленные общим госплановским подходом к районированию, исходили из теоретически верных перспектив крупномасштабной реконструкции Севера, в то время как позиция уральцев была лишена какого-либо единства подходов и тонула в мелочах. Но это были, по условиям времени, очень практичные мелочи: большинство уездных властей не заглядывали далеко в будущее, важнее любых смелых планов для них было получение помощи здесь и сейчас. Немаловажное значение для уральцев, в частности, имела поддержка Тобольска, который еще до революции выдвинулся в качестве ведущего экономического и культурного центра тяготения для обского Севера. Представитель Тобольского уездного исполкома К. Г. Желтовский, объясняя желание Тобольска вместе со всем прилегающим Севером присоединиться к Уралу как «к промышленному, пролетарскому и культурному центру», делал упор на то, что с Урала «можно получать все необходимое». Желтовский мог обоснованно предполагать, что «Урал может снабжать север и изделиями промышленности, и товарами, и культурными силами», поскольку даже в критическом для Севера вопросе снабжения хлебом Омск за предшествующие четыре года ничего не предпринял (все снабжение Севера хлебом, по уверениям оратора, осуществлялось Тюменью), а «с Урала колонизация уже идет» в виде различных товарных поставок. Выбор Тобольска в пользу присоединения к Уральской области, помимо расчетов на всестороннюю помощь товарными поставками, в немалой степени базировался на представлении об Урале как региональном центре, обладающем большим культурным потенциалом. С учетом большого

⁸ Там же. Л. 57.

⁹ Там же. Л. 58 об. — 59.

объема предстоящей культурной работы на Севере, это обстоятельство для Тобольска было одним из решающих аргументов. Вопрос о транспортных связях Урала с Севером при этом не придавалось большого значения. Его Тобольск предлагал решать усилением связи через Тюмень, но допускал, что в крайнем случае об использовании речного флота «можно будет договориться с Омском»¹⁰.

Вместе с тем, следует отметить, что в вопросе о судьбе Тобольского Севера разногласия между участниками Омского совещания были не такими острыми, как в отношении аграрных уездов Зауралья, что создавало почву для поиска компромиссов. Во-первых, развитие Севера виделось такой гигантской и сложной задачей, какая была не под силу ни одной из проектируемых областей Урала и Сибири. Совершенно не ясен был возможный баланс между затратами на освоение Севера и теми выгодами, которые оно могло принести. Во-вторых, участники совещания в целом разделяли мнение, что районирование Севера представляет собой совершенно нестандартную по сложности задачу: «Районировать пустое место нельзя; управлять можно только там, где есть люди. К таким необжитым местам, как Север, совершенно иное должно быть отношение»¹¹. В протоколе совещания было зафиксировано довольно сдержанное мнение уральцев по вопросу присоединения Севера: «Возвращаясь еще раз к вопросу о Тобольском Севере и останавливаясь на том, как выгоднее построить управление им, тов. Дидковский говорит, что это нужно сделать не в зависимости от включения этого края к Омску или Екатеринбургу, а в интересах государства: нужно вопрос решить объективно»¹².

Попытку сформулировать основы общегосударственной политики по отношению к Северу на совещании сделал представитель Госплана К.Н. Миротворцев. Он подчеркнул, что применительно к Северу Западной Сибири акцент должен быть перенесен с задач

районирования на задачи активной политики по преобразованию края. Миротворцев указал на три точки зрения, которые к этому времени сложились в Госплане относительно задач освоения Севера. Первая точка зрения (предложенная ранее Енисейским губисполкомом) предусматривала «туземный» вариант управления Севером, предлагая «употребить все силы на то, чтобы жители Севера постепенно вошли во владение территорией этого края». Данный вариант требовал сделать основной акцент в политике на «развитие населения» Севера и оказание ему всевозможной культурно-технической помощи с тем, чтобы оно в дальнейшем своими силами могло двигать вперед освоение своих территорий. Вторая точка зрения была рассчитана на постепенную «ассимиляцию» Севера южными частями Сибири, т.е. поэтапное втягивание пространств тайги и тундры в орбиту хозяйственных преобразований, осуществляемых в обжитой зоне. Общим недостатком этих двух вариантов, по мнению Миротворцева, было то, что они не только требовали колоссальных и по большей части не окупаемых затрат, но и могли быть рассчитаны лишь на весьма отдаленную перспективу. Фактор времени и соображения экономии средств склоняли выбор Госплана в пользу третьей — более прагматичной — точки зрения: «если мы не можем скоро ассимилировать Север, то мы должны его использовать». Речь, прежде всего, шла о том, чтобы в ускоренном порядке наладить извлечение богатств Севера для организации торговли с границей, в частности, через использование транспортной артерии Северного морского пути. На первое место ставилось использование рыбных богатств Севера, затем должна быть налажена добыча пушнины, а в дальнейшем — разработка наиболее ценных полезных ископаемых: платины, графита, золота. Эта коммерчески ориентированная эксплуатация богатств Севера должна была определять содержание государственных задач по его развитию. Удовлетворение общегосударственных интересов за счет Севера ставилось на приоритетные позиции по сравнению с местными задачами, содержание

¹⁰ Там же. Л. 59 об.

¹¹ Там же. Л. 68 об.

¹² Там же. Л. 56. При цитировании сохранены стиль и орфография документа.

которых в основном сводилось к текущей поддержке туземного населения Севера «в порядке охраны национальностей». При этом, видимо, для того, чтобы снять всякие возможные намеки на колониальный характер эксплуатации Севера, подчеркивалось, что использование его ресурсов будет скорее и вернее, чем что-либо еще, вести к охвату северных территорий торговыми и промышленными предприятиями, к «народнению» новых материализованных связей с Севером¹³. Перед нами, фактически, эскизный набросок той государственной политики в отношении Севера, которая доминировала в течение всего советского периода.

Однако, общее впечатление, возникающее в связи с изучением материалов Омского совещания, состоит в том, что в начале 1920-х гг. ни Госплан, ни региональные органы власти, по-видимому, не только не имели каких-либо определенных планов освоения северных территорий, но и не очень стремились брать на себя эту тяжелую ношу. В частности, Госплан, ссылаясь на множественность вариантов экономического устройства Севера, на «полную неизвестность» правовой структуры, способной иметь дело с туземным населением, был склонен передоверить ответственность за выработку планов развития Севера (как и львиную долю практической работы) сибирским плановым органам. В выступлениях же представителей Сибплана, напротив, акцент делался на оказание, прежде всего, государственной помощи Северу и на особую ответственность «всей федерации» за это масштабное дело. Ирония ситуации, однако, заключалась в том, что в это самое время, по информации Сибревкома, «богатейший край гибнет, и им постепенно овладевают посторонние государству силы», т.е. частные и кооперативные организации, развившие хищническую заготовительную активность на Севере¹⁴. Представитель Сибплана Н.С. Васильев, доказывая необходимость активного вмешательства центра в дело управления Севером, прибегал и к аргументам более

серьезного, геополитического, свойства. Он с тревогой говорил о том, что «мы теряем свое влияние на Севере», что «Якутское побережье, например, уже подпало под влияние американцев» и что такая же участь ожидает вскоре Туруханский край. Указывая на планы иностранцев взять концессии «по всей северной зоне», Васильев резюмировал: «Пока мы вопрос только изучаем, заграничные дельцы, если его не изучили, то практически поняли важность этого края»¹⁵.

Дискуссионный характер поднятого на Омском совещании вопроса о развитии Севера ясно демонстрировали еще имевшие место в начале 1920-х гг. альтернативные мнения, которые в какой-то степени были призваны умерить крайности заявленных позиций. Профессором Грибановым было предложено руководствоваться при освоении Севера подходом, который мы бы сегодня могли охарактеризовать как культурно-экологический. В своем выступлении Грибанов сделал упор не только на необходимость содействия всего государства развитию Севера, «как это было еще со времен Екатерины», но и на приоритетность государственной заботы о «северных инородцах», о которых, по его мнению, после революции «было как-то забыто, и они были предоставлены сами себе». Свое мнение Грибанов обосновывал тем, что на туземный элемент необходимо делать ставку не только по соображениям гуманности, но и с практической точки зрения — как на единственную в северных сибирских условиях производительную силу, без которой нельзя обойтись». Курс на интенсивное использование богатств Севера омский профессор предлагал дополнить более серьезным, чем ранее, «культурным подходом»¹⁶. Это, по его мнению, должно было стать предметом хозяйственной политики областных и местных органов власти. Некоторыми членами Омского губисполкома позиция Грибанова, однако, была тут же раскритикована как проявления «старой филантропии».

В то же время явно особняком стояла на

¹³ Там же. Л. 68 об. – 69.

¹⁴ Там же. Л. 69.

¹⁵ Там же. Л. 69 – 69 об.

¹⁶ Там же. Л. 69 об.

совещании позиция уральских плановиков. Не отрицая важности выработки общегосударственной политики в отношении Севера, Дидковский в то же время предостерег против того, чтобы «все районы Севера смешивать в одну кучу», и призвал учитывать разницу в их положении. Относительно использования богатств Севера он в целом соглашался с установками Госплана, выделяя в качестве важнейших лесные ресурсы и развитие «пушного дела». Однако, в чем Урал был не согласен с Сибирью, так это в том, что развитие Севера может идти только при определяющем воздействии центра. Дидковский призвал «избегать старых, авантюристских подходов в руководстве этими (лесным и пушным. — К.З.) промыслами, избегая связи с центрами за тысячи верст», и подчеркнул, что областные исполкомы должны иметь определенный контроль и руководство в деле развития Севера. Одним из важнейших условий развития Тобольского Севера, как полагал Дидковский, должно быть правильное административное устройство, базирующееся на определенном

числе узловых «центральных пунктов», вокруг которых должна была организовываться работа с туземным населением Севера, и на известной их самостоятельности. Такими пунктами для Тобольского Севера вместо двух существующих уездных центров (Сургут и Березова) должны были стать четыре — Сургут, Самарово, Обдорск и Березов. Этим центрам предлагалось дать более широкие права, чем обычным уездам, в выработке хозяйственной политики и оказании помощи туземному населению¹⁷.

Позиция, заявленная Дидковским, в определенном смысле оказалась прорывом, поскольку она была поддержана не только Тюменью, но и некоторыми представителями Омска. Это баланс мнений, по-видимому, и сыграл в дальнейшем свою роль при принятии в ноябре 1923 г. решения о передаче Тобольского Севера в административное подчинение Уральской области, хотя и на временной основе — «до разрешения общего вопроса о районировании Сибири»¹⁸.

¹⁷ Там же. Л. 69 об. — 70.

¹⁸ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2415. Л. 95.